

Вторая половинка

Автор:

[Джосс Вуд](#)

Вторая половинка

Джосс Вуд

Поцелуй – Harlequin #187

Сэди Слейд – искусствовед, она молода, красива, умна, но уже знает, что такое неудачный брак и тяжелый развод. Милый и обаятельный с посторонними Денис, ее красавец муж, с женой был бесчувственным и жестоким манипулятором. Судьба свела Сэди с директором аукционного дома – красивым и обаятельным Карриком Мерфи, она влюбилась, хотя печальный личный опыт заставлял ее сомневаться в искренности чувств Каррика, тем более что его бывшая жена распространяла о нем ужасные сплетни. Но сердце Сэди шептало ей, что не всем слухам следует доверять...

Джосс Вуд

Вторая половинка

One Little Indiscretion Copyright © 2020 by Joss Wood

«Вторая половинка» © «Центрполиграф», 2022

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

* * *

Глава 1

Список того, чего ни в коем случае не надо делать, состоял из четырех пунктов:

1. Альпинизм (спасибо, высотобоязнь!).
2. Брак (ну нет. Одного раза больше чем достаточно).
3. Скачки на механическом быке, как во время весенних каникул (после четырех порций текилы и того, что ее без конца швыряли, как тряпичную куклу, друзья прозвали ее «Блевантиной» и потом еще долго смеялись).
4. Да, и влечение к Каррику Мерфи (пожалуй, самое серьезное табу из всех).

Сэди Слейд добавила к мысленному списку «То, что я ни за что не собираюсь повторять» экстренную трахеотомию и дотронулась до повязки на шее. Как же она тогда испугалась!

Вернувшись к себе в квартиру после ночи, проведенной в больнице, Сэди несколько раз глубоко вздохнула – какой приятный воздух! – и огляделась. Врачи уверяли, что временное отсутствие кислорода после того, как она подавилась кусочком стейка на коктейле у Мерфи накануне вечером, не скажется на ее умственных способностях. Тем не менее она решила напомнить самой себе, кто она такая.

Ей двадцать девять лет, она дипломированный искусствовед. У нее своя компания, которая специализируется на оценке произведений искусства и истории владения художественными произведениями. Ее лучший друг –

арабский принц, с которым она познакомилась в колледже. Еще одна близкая подруга, Бет, – ее виртуальная помощница; она же управляет ее делами. Сэди приехала в Бостон по приглашению аукционного дома «Мерфи интернэшнл», чтобы выяснить происхождение картины, которая могла оказаться неизвестным произведением Уинслоу Хомера.

С тех самых пор как Сэди приняла заказ, она боролась с досадным влечением к обаятельному директору «Мерфи интернэшнл» Каррику Мерфи – обладателю не только мускулистой фигуры и красивого лица, но и скандальной репутации.

Ну почему она не может увлечься преуспевающим и порядочным человеком, достойным уважения? Очень хотелось в виде исключения воспылать страстью к парню, который не оказался бы азартным игроком, изменником или подонком.

Сэди чувствовала себя неплохо. Если не считать неудобство от того, что она все время представляла себе Мерфи обнаженным.

Сэди села на диван и закрыла глаза рукой.

Вчера вечером до приезда скорой помощи она не сводила взгляда с лица Каррика. Глаза у него были необычного оттенка – виноградно-зеленые, а по краям более темные, в них плясали золотистые и серебристые искорки.

Замечательные глаза выделялись на восхитительно мужественном лице. Каррик Мерфи был обладателем густых бровей, выдающегося подбородка и прямого носа. Кроме того, у него были чувственные губы и фигура, от которой растаяли бы самые холодные женские сердца. Он был высоким и мускулистым. И умным.

Прекрасные качества...

Если не считать того, что он был точной копией ее бывшего мужа. По крайней мере, так ей сообщила Бет, бывшая свояченица Каррика.

Сэди старалась избегать мужчин такого типа после того, как сначала разъехалась, а потом и развелась со своим бывшим – одержимым работой бабником. Поэтому, когда к ней обратились представители аукционного дома «Мерфи интернэшнл» и попросили исследовать подлинность картины, возможно

принадлежащей кисти Уинслоу Хомера, она согласилась далеко не сразу.

Дело в том, что у нее развилась сильная аллергия на богатых, знаменитых, сексуально привлекательных мужчин, которые считали, что могут делать что хотят, когда хотят – и не думать о тех, кому они делают больно. Но эмоциями сыт не будешь, и ее практичный мозг требовал, чтобы она не отказывалась от такого предложения. «Мерфи интернэшнл» – один из трех ведущих аукционных домов в мире, и консультация в их интересах станет подлинно золотой звездой в ее резюме.

Поэтому она временно переехала из Парижа в свой родной Бостон. Как она и боялась, работа на «Мерфи интернэшнл» и ежедневные встречи с Карриком Мерфи стали настоящей пыткой.

Рядом с Карриком она забывала о его прошлом – забывала, что он принадлежит к тем мужчинам, кого она избегает, что он был ужасным мужем для женщины, которую она называла подругой. Сэди восхищалась его острым умом, его саркастическим юмором... и его потрясающей внешностью.

Оставаясь одна, Сэди представляла его себе обнаженным. Опомившись, мысленно осуждала его за то, что он изменял жене и превратил ее жизнь в ад.

Сэди чрезвычайно утомляли переходы от вожделения к презрению и обратно. Но, как ей ни хотелось объяснить собственное изнуряющее влечение к Мерфи усталостью, на поверхность эту вулканическую смесь эмоций вызвал несчастный случай, из-за которого она едва не умерла. Благодарность, страх, одиночество, уязвимость...

Сэди удобнее устроилась на диване и закрыла глаза. Лучший способ не смотреть правде в глаза и не разбираться с досадными эмоциями, которые она привычно отметала, – провалиться в сон...

Сэди открыла не сразу. Каррик барабанил в ее дверь несколько минут – он даже всерьез подумывал выбить ее ногой. Сэди выглядела немного изумленно и чертовски привлекательно.

Он сразу понял, что перед его приходом она спала. На щеке отпечатался след от подушки, да и глаза еще не совсем проснулись. Он был так рад, что она на ногах и нормально дышит. Как здорово было заглянуть в ее глаза цвета персидской сини!

Вчера, увидев ужас в ее глазах, он страшно перепугался.

Каррик сделал шаг назад, чтобы лучше видеть ее, и ухватился за дверную ручку. Хотя прежде они с Сэди общались только по работе, впервые за восемнадцать часов его сердце успокоилось.

Он понятия не имел, почему она так на него действует, – в конце концов, они едва знакомы. И никакой эмоциональной связи у них не возникло.

Он был против любых связей – как эмоциональных, так и других.

Со связями покончено. Особенно с долгами.

– Здравствуйте, – промямлила Сэди. – Каррик? Хм... ты зачем пришел?

– Хотел проверить, как ты себя чувствуешь. – Он собирался произнести фразу небрежно, но это ему не удалось. – Ты выглядишь... – Каррик снова запнулся, подыскивая нужное слово.

Она была в красном мешковатом свитере со спущенным плечом, черных легинсах и пушистых черных носках. На лице ни грамма косметики, волосы кое-как собраны в конский хвост. Разрез на горле закрыт крошечной марлевой повязкой. Он в жизни не видел никого красивее. И живее... О боже!

Сэди посторонилась, пропуская его в квартиру.

Закрыв за ним дверь, она взглянула на огромный букет, который Каррик так и держал в руках. Он не знал, какие цветы она любит, поэтому попросил флориста собрать все. Яркий разноцветный букет благоухал.

– Это мне? – Сэди посмотрела на него поверх разноцветных цветочных головок. – Ты хотел о чем-то со мной поговорить?

«Поговорить» – слишком сильно сказано. Он способен другими способами дать понять, что хочет.

Отняв у нее дорогой букет, он бросил его на пол. Ненадолго замер, ожидая, что она будет возражать. Не услышав возражений, приник к ее губам, упиваясь ее жаром, ее пикантностью, ее живостью... будь она неладна!

Каррик подтолкнул ее к стене и положил ладонь на холодную штукатурку у нее над головой. Он не коснется ее ничем, кроме губ. Стоит ему дотронуться до нее, он не остановится, пока она, совершенно раздетая, не будет извиваться под ним и, задыхаясь, выкрикивать его имя.

Сэди, видимо, себе такого зарока не давала. Она быстро вытянула его рубашку из брюк. Потом ее ладони оказались на голой коже у него над поясом. Она провела пальцами по его позвоночнику, оттого мышцы мужчины непроизвольно сжались, и ему вдруг стало трудно дышать.

Впрочем, отсутствие воздуха вскоре перестало его беспокоить. Сэди ответила на его поцелуй, причем ответила с большим воодушевлением.

Ее язык скользнул к нему в рот, она обвила руками его талию, без слов подтверждая, что хочет его не меньше, чем он ее. Не в силах сдерживаться больше ни секунды, он сунул руку под ее мешковатый свитер и провел ладонью по полоске голой кожи, наслаждаясь ее нежностью. Интересно, такая ли она нежная везде?

– Ласкай меня, Каррик, – прошептала Сэди и снова поцеловала его. Больше никакого поощрения ему не требовалось. Он задрал на ней свитер, чтобы любоваться ее душистой кожей. Слава богу, бюстгальтера на ней не оказалось. Целуя ее в шею, он сказал, что именно хочет с ней сделать.

Ее возбужденный хриплый шепот поощрял его делать все, что он захочет. И более того.

Она потянула его руку к своей груди, и он ахнул, нащупав тугий сосок, который словно сам скользнул в его сильную ладонь. Изнывая от желания попробовать ее на вкус, Каррик рывком снял с нее свитер через голову. Обнаженная, она

показалась его распаленному взгляду настоящим совершенством. Крепкие высокие груди, аккуратные розовые соски...

– Не могу дождаться, когда попробую тебя. – Каррик наклонил голову и, прежде чем взять сосок в рот, обвел его языком.

Совершенство! Каррик перешел к другой груди и, уделив ей такое же внимание, выпрямился и зарылся пальцами в ее волосы.

– Я хочу отнести тебя в постель.

– Знаю. – Сэди привстала на цыпочки и обхватила его руку.

Каррик нагнулся и дотронулся лбом до ее лба.

– Сэди, это не «да».

Сэди взяла его за руку и повела к себе в спальню. Когда они очутились в ее комнате, оформленной в сине-белых тонах, она спустила легинсы с бедер вместе с трусиками. Сбросив носки, она встала перед ним совершенно голая.

– Каррик, займись со мной любовью. Ты так меня...

Волнуешь? Возбуждаешь? Заводишь?

– Ты меня оживляешь, – прошептала Сэди. – А сейчас мне очень хочется чувствовать себя живой!

Он вполне мог дать ей то, что она просила. И дал.

Глава 2

Каррик Мерфи услышал, как щелкнул замок на двери ванной и, повернувшись, зарылся лицом в ароматную подушку Сэди.

Проклятье!

Вчера вечером, выходя из своего дома в историческом районе Бостона Бикон-Хилл, он собирался всего лишь узнать, как себя чувствует искусствовед, которую «Мерфи интернэшнл» пригласил изучить историю происхождения картины. По пути к Сэди он внушал себе, что она интересуется его только как специалист. Ее навыки необходимы для установления подлинности картины. Если окажется, что картина принадлежит кисти Хомера, она будет выставлена на аукцион, который многие ждали, – такой проводится всего раз на протяжении жизни одного поколения! Он убеждал себя в том, что его визит никак не связан с греховной сексуальностью Сэди.

«Большое заблуждение, Мерфи! Это не в твоём обычном стиле, чувак!»

Досадливо выдохнув, Каррик огляделся, ища свою одежду. Надо успеть одеться к тому времени, как Сэди выйдет из ванной. Тогда им обоим будет не так неловко...

Свои трусы он нашёл у двери.

Они начали раздеваться ещё в коридоре, через минуту после того, как их губы встретились.

Не увидев в непосредственной близости других предметов одежды, Каррик побрёл по следу и снял её носок с рамки черно-белого постера, а её легинсы и трусики валялись на полу у двери. Свою рубашку он нашёл возле серого дивана, а брюки – за ним.

Каррик надел брюки, рубашку. Не застегиваясь, натянул носки и туфли. Покосился на дверь. Жаль, что нельзя просто молча ускользнуть. Сэди не относится к числу женщин, которых он больше не увидит; с ней так поступать нельзя.

С детства он не уходил, по крайней мере не сказав спасибо, и, даже если секс оказывался так себе, он говорил: «Мы славно повеселились».

Но сейчас секс был потрясающим, а с Сэди он еще не раз увидится, ведь он платит ей заоблачную сумму за ее знания, которые позволяют определить подлинность картины. Она ему нужна...

Но только как специалист.

Каррик привык больше ни в ком не нуждаться.

После развода с Тамлин он всегда долго думал о том, с кем он спит, и о возможных последствиях – не продаст ли женщина свою историю в СМИ? Но потребность в Сэди заглушила все страхи и соображения.

Он хотел ее. Она хотела его. После этого голова перестала соображать...

И все же он надеялся, что она не подумает, будто у них началось нечто особенное и будет продолжение. Потому что он ничего ей дать не может.

Каррик потерял слишком много любимых женщин, которые были ему безразличны. Родная мать, мачеха и невестка умерли, отношения со свояченицей прервались после развода... Ну, а развод избавил его от каких бы то ни было надежд, мечтаний и веры в счастливое будущее, в семью и детей, в брак, в жену, с которой он хотел бы встретить старость.

Чем ближе подпускаешь кого-то к себе, тем больнее тебя могут ранить. Доказательство – его бывшая жена.

Каррик провел ладонью по лицу.

Конечно, секс всегда лучше в постоянных отношениях, где есть сильная эмоциональная привязанность...

Именно так произошло с Сэди.

С ней он забыл о том, что они едва знакомы, что это их первая встреча. Казалось, заниматься с ней любовью так же естественно, как дышать; его тело – проклятие! – признало ее. Он не ощущал никакой неловкости, никакой нерешительности и робости...

Она что-то одобрительно шептала, когда могла говорить, стонала, просила: «Еще!» или что-то выкрикивала. С ее губ слетали слова «Да!» и «Еще!».

Самое мучительное: лучше, чем с Сэди, у него еще не было ни с кем. С ней было даже лучше, чем в первые горячие денечки с Тамлин.

Сэди и их совместная ночь превзошли все его ожидания и задали высочайшую планку для последующих необременительных свиданий на одну ночь.

Если у него, конечно, будет еще одна такая ночь...

Каррик встал и направился в маленький кухонный уголок на другой стороне открытой типовой скучной квартиры. По крайней мере, кофе он может сварить.

Каррик поменял фильтр, насыпал кофе и налил воды. Включив кофеварку, он вернулся в гостиную и снял блузку Сэди с горы одежды, которую бросил на ее кофейный столик. Поднес мягкую материю к носу, вдыхая ее аромат. От нее пахло солнечным светом, теплым ветром – и чем-то еще; он не узнавал незнакомый аромат. Наверняка он знал одно: от этого аромата у него кружится голова.

– Ты что, в самом деле нюхаешь мою блузку?

Блин. Попался! Единственный выход – перейти в нападение.

– Чем пахнет? – спросил он, надеясь, что говорит небрежно, и бросил блузку в общую кучу. – Я с ума схожу.

– Жасмин и апельсиновый цвет, – ответила Сэди.

– Напомни, чтобы я купил тебе запас на десять лет.

Сэди улыбнулась. Как ни странно, его слова ей польстили.

– Я бы с удовольствием. Но парфюмер отказывается продавать большими партиями и открывает свой магазинчик на Монпарнасе, только когда у него есть

настроение. А он часто бывает не в настроении.

Она метнула взгляд на его голую грудь – рубашку он так и не застегнул. Начал было, но потом бросил, и Сэди заподозрила, что ее одобрение от него не укрылось. Он умный и опытный, очевидно, он заметил желание в ее глазах и то, как вспыхнуло у нее лицо.

Второго раунда не будет – зачем все осложнять? – но он, скорее всего, считает, что маленькие знаки взаимного одобрения никому не повредят.

Он ошибался. Такие вещи способны причинить много боли.

«Остынь, Сэди, и, ради всего святого, не смей прикасаться к его широкой груди! Найди другое занятие для рук!»

Завтрак. Она может приготовить завтрак...

– Насколько я понимаю, у тебя квартира в Париже, – заметил Каррик, следом за ней выходя на кухню и наблюдая, как она достает из холодильника круассаны, масло и джем.

– У меня на Монпарнасе каморка размером с кроличью нору, однокомнатная квартирка, где с трудом помещаемся я сама, моя одежда и мои справочники. – Сэди оглядела его с головы до ног. – Ты выглядел бы в ней как Гулливер в стране лилипутов.

Заметив, что кофе почти готов, Каррик огляделся и спросил, где у нее чашки. Открыв шкафчик, который она ему показала, достал две кружки и налил им кофе, пока Сэди раскладывала подогретые круассаны на тарелки и доставала из ящика столовые приборы.

Она жестом показала на табурет по другую сторону кухонного островка. Каррик сел и тут же потянулся к горячему круассану.

Они общались без какой бы то ни было неловкости.

Сэди хотелось поддержать легкий разговор. Сказать что-нибудь, что угодно, лишь бы дать понять, что они на одной волне и второго раза не будет.

Но Сэди чувствовала себя не в своей тарелке. У нее не было таких, как Каррик Мерфи, – судя по тому, что ей известно, он относится к женщинам и сексу как к игрушкам...

Последнюю мысль перебили следующие слова Каррика:

– Этого не должно было случиться.

Он произнес ее реплику!

Каррик сунул в рот кусок круассана, намазанного клубничным джемом, прожевал и проглотил. Откусил еще, явно наслаждаясь слойкой и джемом.

– Я зашел просто узнать, как ты себя чувствуешь. Судя по всему, мы немножко увлеклись, – продолжал он доброжелательным тоном, от которого у нее свело скулы. – Надеюсь, то, что произошло, не повлияет на наши рабочие отношения.

Что, интересно, он имеет в виду? Неужели считает, будто она способна принять секс за нечто большее?

– Не сомневаюсь, все будет прекрасно, – решительно ответила Сэди. – Главное, чтобы ты понимал: ничто, кроме веских доказательств, не повлияет на мое мнение о картине.

Каррик положил недоеденный круассан на тарелку, потянулся к кружке с кофе. Она увидела, как его глаза ненадолго полыхнули гневом.

– Неужели, по-твоему, я хочу, чтобы ты подделала результаты экспертизы? Искусство говорит само за себя. Так всегда было, и так всегда будет.

С ее бывшим все происходило не так. Нравственность Денниса всегда отличалась исключительной гибкостью. Сэди решила, что хотя бы в одном Каррик Мерфи не похож на ее бывшего.

Казалось бы, мелочь, но... она испытала большое облегчение.

С деловой точки зрения – единственной, которая имела значение, – его порядочность упрощала ей работу.

Однако стоило вернуться к тому, почему он сидит у нее на кухне рано утром в понедельник...

– Итак, на будущее предлагаю забыть о том, что произошло вчера ночью. Мы славно повеселились... – еще как славно! – но мне необходимо работать, и повторения не предусмотрено.

– Ни к чему все усложнять, – податливо согласилась Сэди, надеясь, что выглядит так же равнодушно, как и ее слова.

Каррик отпил еще кофе и крепче сжал кружку.

– Если ты так ко всему относишься, тем лучше.

Нет, не так! Да, так... Ей хотелось зарычать. Она не знала, что чувствовать! Знала она одно: когда прыгнула в постель с обаятельным красавцем, ее сердце разбилось на части. Она больше никогда не допустит повторения.

Потянувшись к ней, Каррик сжал ей запястье; его загорелые пальцы выделялись на ее белой коже.

– Сэди, посмотри на меня.

Сэди отбросила влажные волосы со лба и глубоко вздохнула, прежде чем подчиниться его тихому приказу. Их взгляды встретились. Ей пришлось напомнить себе о необходимости дышать.

Улыбка Каррика была мягкой и нежной – насколько на такое способен жесткий и мужественный мужчина.

– Спасибо за удивительную ночь. Надеюсь, ты получила такое же удовольствие, как и я.

Да, так и было. Лучшая ночь в ее жизни...

- Мне пора. К сожалению, компания сама собой руководить не станет.

Сэди понимала, что должна испытывать облегчение или даже радость, услышав, что он уходит, однако почувствовала лишь разочарование. Глупо, конечно, потому что несколько минут назад ей больше всего хотелось остаться одной.

Каррик выпустил ее руку и начал застегивать рубашку.

Встав, он заправил ее в брюки и сунул в рот последний кусок круассана.

- Черт побери, они восхитительны!

Обойдя кухонный островок, он посмотрел на нее сверху вниз, и Сэди затаила дыхание; он опустил голову, целясь в нее губами. Опомившись, отстранился.

- Я очень рад, что все обошлось после того, как ты подавилась.

Слава богу, его сестра Танна быстро соображала, иначе Сэди не была бы здесь, не вернулась из больницы и не испытывала такой усталости после ночи любви. Шикарной любви!

Каррик приподнял ее подбородок и посмотрел на стерильную повязку у нее на шее.

- Больно?

Сэди покачала головой:

- Разрез крошечный, он скоро зарастет. - Она поморщилась. - Хотя я подумываю стать вегетарианкой.

Услышав в ее голосе уныние, Каррик улыбнулся.

– С таким же успехом ты могла подавиться кусочком не стейка, а морковки.

– Намек понят, и все же наверняка пройдет некоторое время, прежде чем я наберусь храбрости и проглочу еще хоть кусочек мраморной говядины Кобе! И вообще любого мяса.

– Вполне понятно. – Каррик посмотрел на часы. – Мне пора. В девять у меня деловая встреча, а мне еще нужно заехать домой и принять душ.

– Мог бы принять душ и здесь, – тихо предложила Сэди. – Если это сэкономит тебе время.

Она ждала, пока он обдумает ее предложение, понимая: если он хотя бы намекнет, чтобы она к нему присоединилась, ей будет необычайно трудно выполнить данное себе обещание и больше никогда не прикасаться к нему.

– Спасибо, я успеваю. Пожалуй, поеду прямо на работу, приму душ в нашем спортивном зале. В душевой, которую делю с братьями, я держу смену одежды и туалетные принадлежности, поэтому чистая одежда для меня не проблема.

Сэди проводила Каррика в прихожую, любясь его крепкими ягодицами, – теперь они хорошо знали ощущение от ее пальцев.

– Насколько я понимаю, сегодня ты на работу не выйдешь. Наверное, тебе нужно некоторое время, чтобы прийти в себя.

– Каррик, я всю ночь занималась с тобой любовью, поэтому вряд ли мне удастся сказать себя больной, – с намеком на язвительность ответила Сэди. – Но сегодня я собираюсь поработать дома. Попробую выяснить все, что можно, о том периоде, какой Хомер провел в Виргинии. А потом наведаюсь в одну художественную галерею на Чарльз-стрит. Изабель Маунтон-Мэтьюз часто имела дело с ее предыдущим владельцем. Надеюсь, мне удастся что-нибудь выяснить о картине в каталогах или в архиве.

Каррик спросил название галереи, и Сэди ответила, радуясь, что теперь они говорят об искусстве.

– Я кое-что о ней слышал. Говорят, и у предыдущего, и у нынешнего владельцев дела не всегда велись честно. Похоже, они подделывали провенансы или вносили недостающие сведения... так сказать, применяли творческий подход.

– Спасибо, учту.

– Я не стал бы называть их действия сомнительными, но их не назовешь и честными.

Логично, и все же не мешает проверить. На всякий случай. Кроме того, Сэди казалось, что им с Карриком какое-то время лучше не видеться. Тогда оба сумеют привести мысли в порядок перед тем, как увидятся снова.

Сохраняя некоторую дистанцию, они... точнее, она, перестанут мечтать о повторении вчерашней ночи.

– Значит, увидимся, когда у меня появятся новые сведения. Возможно, на это уйдет несколько дней, а может, и несколько недель, – предупредила Сэди.

Каррик поднял с пола увядший букет цветов и положил на стол в прихожей.

– Я не обижусь, если ты их выкинешь.

Было очевидно, что Каррику, как и ей, тоже хочется отдалиться; наверное, она должна была радоваться. Во всяком случае, ни к чему испытывать разочарование или досаду. Пора выкинуть эту чушь из головы.

Лицо Каррика оставалось непроницаемым. Он нагнулся и провел губами по ее скуле. Сэди приняла его жест как должное – скромное «спасибо за прекрасный вечер». Больше ничего он в виду не имел... не мог иметь.

– Значит, увидимся, когда увидимся, – сказал он.

Его дорогой кашемировый плащ валялся на полу; он поднял его и надел. Сунул руку во внутренний карман, достал телефон. И поморщился.

– Я уже пропустил массу звонков. Пока, Сэди! До скорого!

Конечно. Но они увидятся не очень скоро. Через день-другой. Или через неделю.

* * *

У Сэди оставалось еще пять минут, чтобы подготовиться к встрече в конференц-зале, современном своеобразной формы помещении в конце коридора в культовом международном и всемирно известном аукционном доме «Мерфи интернэшнл». На то, чтобы дойти до конца коридора, требовалось всего полминуты, поэтому она разрешила себе чуть дольше прятаться в туалете.

Она готова была на все, лишь бы не оставаться наедине с Карриком Мерфи.

Сэди посмотрелась в зеркало над раковиной, стерла с зубов едва заметную полоску губной помады. Всю прошлую неделю она избегала Каррика; поскольку они не оставались наедине после проведенной вместе ночи, она поняла: он тоже ее избегает.

Что ей прекрасно подходило.

Нельзя обвинять ее в том, что раз за разом она по несколько часов вспоминает ту замечательную ночь, жалеет, что Каррика с ней нет, он не ласкает ее своими сильными руками с длинными пальцами, не целует греховными губами.

Но...

Подобно плаванию в Антарктику на паруснике или путешествию на «Восточном экспрессе», секс с Карриком – настоящая блажь. Такое можно себе позволить лишь раз в жизни.

Потрясающе, чудесно – но неповторимо.

А жаль.

Так как нечто подобное с ней уже происходило, она понимала: нужно резко нажать на тормоз. В прошлом, попав в объятия сексуального красавца, она влюбилась в него через несколько недель. Ей хотелось верить, что Деннис

хороший, что он достоин того, чтобы выйти за него замуж.

Пять лет спустя, после неудачной семейной жизни и безобразного развода, Сэди стала сильнее, умнее и поняла: мужчина, способный заставить тебя трепетать и вздыхать, может также заставить тебя плакать. За красивым лицом часто скрывается холодное сердце, а злоба часто таится за обаятельным фасадом.

У Денниса было красивое лицо и море обаяния, но за его фасадом скрывался характер медоеда-психопата. А судя по тому, что она слышала от бывшей жены Каррика и Бет, одной из старейших подруг Сэди и ее помощницы, таким же был и Каррик.

Черт побери, почему она, как магнитом, притягивает к себе плохишей?!

Она имела в виду не умников, которые ищут неприятностей на свою голову, но в глубине души добрые малые. С такими она еще могла бы справиться. Нет, Сэди привлекала по-настоящему плохих парней. Любителей играть в игры, лгунов, манипуляторов...

И абьюзеров.

Подобно ее бывшему мужу, никто не заподозрил бы Каррика Мерфи – феноменально талантливого бизнесмена и великолепного игрока в мире искусства – в том, что он подонок, но она достаточно слышала от Тамлин (через Бет) и понимала, что вступить с ним в отношения стоит с широко раскрытыми глазами.

Конечно, она не собиралась заводить с ним вообще никаких отношений...

Сэди снова посмотрела на часы и, поправив сумочку на плече, вышла из туалета. Каблуки цокали по плиточному полу. Сегодня ей предстояло в первый раз встретить важных клиенток Каррика. Очень хотелось со всей определенностью сказать им, что картина – в самом деле неизвестное произведение Хомера.

Не только потому, что такая новость воспламенит мир искусства – аутентификация «сенсации», картины, которая раньше не была открыта, станет для нее важным достижением, – но еще и потому, что тогда ее задание будет

выполнено и она сможет удалиться от искушения, которое представлял собой Каррик Мерфи.

Но до окончательного отчета остается еще много недель, а может, и месяцев. В уравнении еще много неизвестных. В числе прочего придется ждать результата анализа краски. Кроме того, она наводила справки на основании ярлычков на тыльной стороне картины; ей еще предстояло получить отклики из многочисленных галерей, где Изабель и ее родные обычно покупали произведения искусства.

Сэди надеялась, что клиенты Каррика понимают: установление подлинности – дело небыстрое.

Подойдя к двери в конференц-зал, Сэди негромко постучала и вошла. Она сразу поняла: ей везет, как слепой мыши в кошачьем питомнике. В зале никого не было, кроме Каррика, который стоял у большого окна и смотрел на Бостон-Коммон. Он обернулся; мелькнула его смертоносная улыбка, на миг проступила неглубокая ямочка на левой щеке, и сердце у Сэди екнуло. Конечно, вся кровь устремилась в низ живота, и ее обдало жаром.

– Сэди...

Ее имя, слетевшее с губ Каррика, никогда еще не звучало сексуальнее.

Сэди вздохнула; ей с трудом удалось не приложить руку к сердцу.

Отведя от него взгляд, она положила сумочку и папки на стол. Ей удалось тихо ответить:

– Доброе утро.

– Наследницы Изабель задерживаются. Они приедут минут через пятнадцать.

Проклятие! О чем им говорить, пока они ждут клиенток? О погоде? О картине? О том, каким восхитительным, сильным, мощным и мужественным он был, когда проникал в нее...

«Слейд! Это не поможет!»

Она подошла к окну, сохраняя приличную дистанцию между собой и Карриком.

Сэди заметила, как он осмотрел ее одежду, пока она шла к нему, и задумалась, не слишком ли претенциозно и богемно ее платье в красно-оранжевых тонах для такого консервативного, солидного учреждения, как «Мерфи интернэшнл».

Ей было все равно. Она не из тех, кто носит черный костюм и белую блузку. Она – любитель искусства и признанный эксперт; яркий цвет нужен ей так же, как другим – воздух, чтобы дышать. Каррику стоит привыкнуть к ее одежде, а если нет...

Тем хуже для него.

Однажды она уже заставляла себя меняться ради мужчины, приглушала оттенки одежды, глотала свои мысли, мнения и перекраивала свою жизнь. А чем он ей ответил? Он заводил многочисленные интрижки со всеми, начиная с ее кузины и заканчивая массажисткой. Больше она никогда не будет приглушать свое сияние – ни для кого!

Сэди посмотрела поверх широких плеч Каррика на прекрасный вид. Вечернее солнце уже клонилось к закату, и свет содержал оттенок того же ярко-розового цвета, который Дега использовал для пачек балерин в своей картине «Танцовщицы в розовом». Или это ближе к тому оттенку розового, каким Ренуар писал «Габриэль в красной блузке»?

О-о-о, теперь она заметила и намек на оранжевое...

Каррик побарабанил костяшками пальцев по стеклу, вернув ее в настоящее. Сэди ожидала, что он испытает раздражение, и его веселость ее удивила.

– На улице происходит что-то, о чем мне следует знать?

Сэди не сразу поняла, о чем он. Потом тряхнула головой и указала на окно:

– У меня привычка рассматривать цвета с точки зрения изобразительного искусства.

– Не понимаю... – В его виноградно-зеленых глазах мелькнуло замешательство.

В обычных обстоятельствах она не стала бы ничего объяснять, но сейчас... По какой-то непонятной причине ей захотелось, чтобы Каррик понял ее одержимость цветом. Может, если он поймет, у них появится нечто общее. То, что их объединяет.

За исключением секса...

Заметив его заинтересованность, она посмотрела вниз, на оживленную улицу, стараясь найти какой-нибудь пример в подтверждение своих мыслей. По улице шла женщина в желтом плаще.

Сэди схватила Каррика за плечо, ощутив кончиками пальцев его напряженные мышцы. Ей хотелось его отпустить, но она чувствовала его жар, вдыхала свежий аромат его кожи.

– Видишь вон ту женщину в желтом?

– Ну да.

Пальцы остались на плече, словно их приклеили суперклеем.

– Назови первую картину, которая приходит тебе в голову, где еще художник использовал такой цвет?

– «Подсолнухи» Ван Гога, – тут же ответил Каррик.

– Слишком просто. Попробуй еще.

– Банан Энди Уорхола на обложке альбома «Велвет Андеграунд»?

– Нет, попробуй еще, – предложила Сэди.

– Ну ты и суровая! – Каррик насупился, задумался. – Климт, «Портрет Адели Блох-Бауэр»?

Да, вот по-настоящему хороший ответ.

– Уже лучше, – нехотя признала она.

Каррик гулко расхохотался.

– По-твоему, ты можешь предложить что-то получше?

Еще бы!

– Напоминает картину Марка Ротко без названия, проданную в Нью-Йорке несколько лет назад. – Она склонила голову набок. – А может быть, это цвет из «Заговора Клавдия Цивилиса» Рембрандта.

Она чувствовала, как Каррик смотрит на ее профиль; она не решалась посмотреть на него в ответ. Она сама не знала, хочется ли ей проверить, произвела она на него впечатление или нет.

– Ты знаешь свое дело, – заметил Каррик.

– Я дипломированный искусствовед, мне положено, – сухо ответила Сэди.

Вдруг до нее дошло, что она гладит Каррика по плечу, как будто он был котом с особенно роскошной шубкой. Она покосилась на свою руку, вспыхнула и отдернула ее.

– Прости. Помимо цвета, я еще двинулась на текстиле. А твой костюм такой мягкий, такой... приятный на ощупь!

Да, конечно, материя была чудесно мягкой, но она прикасалась к нему не поэтому.

«Прекрати вспоминать о той ночи, Слейд, и сними руку с его плеча».

Сэди отошла от Каррика, скрестила руки на груди и глубоко вздохнула, приказав себе держаться профессионально.

Каррик смотрел вниз. Они молча наблюдали за бостонцами, которые высыпали на улицы в ясный морозный день.

– Розовое пальто женщины, которая выгуливает датских догов, того же цвета, что и пол на «Розовой мастерской» Матисса, – сказал он.

– Или розовое в «Желтом и розовом» О’Киф.

Хвала небесам, они могут говорить об искусстве! Тема нейтральная; к тому же они оба испытывают к ней страсть. Разговоры об искусстве гораздо безопаснее, чем их второй общий интерес – к телу друг друга.

– А еще, по-моему, такой же цвет у твоих сосков после того, как я вылижу их языком.

Сэди густо покраснела, когда до нее дошел смысл сказанного. Она положила ладони на стекло и посмотрела вниз, на маленькие машинки и крохотных людей.

– Не могу перестать вспоминать о той ночи.

Сэди со стоном прижалась лбом к стеклу между своими ладонями.

Она тоже не могла перестать думать о той ночи, но ей не хотелось в этом признаваться и не хотелось продолжать разговор, потому что замечания Каррика и завораживали, и одурманивали ее.

Сэди была уверена в одном: она не в состоянии говорить об искусстве, живописи и анализе, пока в ее воспаленном мозгу кружатся воспоминания о той ночи.

– Каррик, пожалуйста, перестань.

– Почему? – Он подошел ближе, и Сэди почувствовала идущий от него жар. – Потому что ты жалеешь о том, что было, или потому, что такие разговоры тебя заводят?

Не так должен вести себя мужчина, который решил ее избегать. После того, как он ушел, не звонил и не писал ей, она решила, что он счел ее еще одной временной интрижкой и давно забыл о ней. Судя по его замечаниям, он не возражал бы против повторения.

Как и она. Вот проклятие!

И все же... стоило ей заглянуть в его светло-зеленые глаза и увидеть в них недвусмысленное желание, она почувствовала себя глупой и безрассудной. Ей очень хотелось раздеться.

Нет, ни в коем случае!

– Нам лучше всего просто забыть о той ночи, – сказала Сэди, отрывая руки от стекла. Она сцепила руки за спиной и отошла подальше, на безопасное расстояние от Каррика.

– Вряд ли это скоро произойдет, – негромко заметил Каррик, но в его низком голосе слышалась досада. – Я хочу тебя, Сэди! Конечно, я понимаю, не стоит, это дурацкая мысль, тогда мы оба решили, что второго раза не будет, но вот ты здесь, а я могу думать только об одном – как войду в тебя как можно скорее. И, судя по тому, как горят твои глаза, как ты все время смотришь на мои губы и на мое тело, я думаю, что ты хочешь того же самого.

«В самое яблочко, черт побери!

Но нельзя, Слейд. Ты должна быть разумной».

– А еще я хочу выяснить, кто позировал для «Прекрасной Ферроньеры» Да Винчи. Хочу владеть одной из картин, для которой позировала невеста Мане, найти Янтарную комнату. Но я реалистка и понимаю, что ничего из вышеописанного не случится. Так же точно я понимаю, что повторение той ночи – совершенно дурацкая мысль.

– К черту умные мысли. Они нисколько не забавны, – негромко возразил Каррик, засовывая руки в карманы брюк и поводя плечами. Под пиджаком от модного кутюрье у него была мятно-зеленая рубашка.

Сэди начинала видеть кое-что за безупречным фасадом, который он являл миру. Под слоем вечной мерзлоты бурлила огненно-красная лава.

И черт побери, такой контраст, страсть под невозмутимой поверхностью, ужасно ее возбуждал. И заводил.

Что будет, если она проведет с ним еще одну ночь? Разумеется, одной ночи, скорее всего, будет мало. А еще через неделю, а может, через две они вернуться в прежнее положение: острое желание и сильная тоска.

Нет, лучше все закончить сейчас же, задушить желание в зародыше.

Сэди открыла рот, чтобы сказать «нет», она искренне собиралась так поступить: нет никаких шансов на повторение...

– Я подумаю.

Каррик погладил ее по щеке и поцеловал в висок. Сэди с трудом заставляла себя держать руки вдоль корпуса и сжать кулаки, чтобы не обхватить его за бедра и не ласкать его широкую грудь.

– Подумай как следует. И быстро! – негромко сказал Каррик.

Глава 3

Каррик сделал шаг назад, одернул пиджак и подошел к двери конференц-зала. Широко распахнув ее, впустил двух женщин. Когда Сэди увидела, как невысокая блондинка обнимает Каррика, ее кольнула ревность – она ничего не могла с собой поделать.

Она злилась на себя – ревновать абсолютно ни к чему. Они с Карриком были близки только телесно, но не духовно. Поэтому она повернулась ко второй женщине, одетой в черное.

У нее явно прослеживались индийские корни. Сэди заметила это по ее красивой смуглой коже светло-коричневого оттенка и по разрезу лучистых серых глаз. Сэди решила, что оттенок таких глаз должен меняться в зависимости от настроения или от цвета одежды, могут быть серо-голубыми, как туман на картинах Сислея, или зеленовато-серыми, как море у Уистлера. Идеально прямой нос, высокие скулы...

Настоящая красавица!

Каррик пригласил женщин в комнату и жестом показал на Сэди:

– Кили, Джоа, познакомьтесь с доктором Сэди Слейд. Она искусствовед, которую мы пригласили для изучения вашей картины. Сэди, это Кили Маунтон и Джоа Джонс.

– Здравствуйте, Сэди, приятно с вами познакомиться, – сказала Кили, блондинка. Пожав Сэди руку, она посмотрела на Каррика, улыбаясь едва заметно, но заразительно: – Кстати, ее зовут не Джоа, а Джуа. – Пока Сэди и Джуа обменивались рукопожатиями, Кили бросила сумку на стол. – Она никогда никого не поправляет, но я знаю, что ее ужасно злит, когда ее имя произносят неправильно.

– Кили, не забывай, я тоже здесь, – улыбнувшись, заметила Джуа. – Простите, Кили полжизни напоминает мне, кто тут главный. По-моему, она в ближайшее время не остановится.

Улыбка превращала Джуа из обыкновенной красавицы в изысканную. Сэди покосилась на Каррика, ожидая, что тот расплывется от восхищения, но лицо у него оставалось непроницаемым; судя по внешности, она не произвела на него никакого впечатления.

Ну что ж... ладно.

После светской беседы – общие знакомые, ужасная зимняя погода – Каррик пригласил всех садиться. Сэди заняла место напротив клиенток.

Сунув руки в карманы брюк, Каррик превратился в типичного директора международной компании.

– Сэди, Изабель Маунтон-Мэтьюз была ценной и важной клиенткой «Мерфи интернэшнл». По-моему, свою первую картину она купила у нас сорок лет назад. Изабель очень дружила с моей мачехой Рэни. Изабель скончалась... – он выразительно посмотрел на Кили, – около года назад?

– Точнее, год и два месяца назад, – кивнула Кили.

– Кили и Джуа совместно унаследовали все ее имущество, – продолжал Каррик.

Ах, счастливицы! Красивые, богатые... а теперь они стали владелицами одной из лучших коллекций в стране.

– Кили и Джуа решили продать основную часть коллекции с помощью «Мерфи интернэшнл», а вырученные деньги передать в фонд Изабель, который поддерживает разные благотворительные учреждения на Восточном побережье. Продажа коллекции станет событием десятилетия. Если можно с чем-то ее сравнить... в голову приходит разве что проданная несколько лет назад коллекция Рокфеллера. Коллекция Изабель составит ей достойную конкуренцию. Изабель собирала шедевры изобразительного искусства, фарфор, украшения, предметы искусства коренных американцев, азиатское искусство, серебро, мебель, текстиль.

– Тетя была настоящей сорокой с кучей денег, – весело согласилась Кили.

– Мой брат Финн сейчас составляет каталог коллекции, которая весьма обширна, но у него нет времени на то, чтобы погружаться в тайну ваших полотен, дамы. Потому-то я и пригласил Сэди, – сказал Каррик. – А Сэди уже установила, что две из трех картин – копии Хомера.

Кили поморщилась, а Джуа вздохнула:

– Не сказать, чтобы я была удивлена. Кажется, Из упоминала, что она не до конца убеждена, будто все картины принадлежат кисти Хомера. – Кили облокотилась о стол и повернулась к Сэди: – Почему вы решили, что те две

картины – копии?

Каррик посмотрел на Сэди, и она объяснила:

– Хотя их написал талантливый художник, техника исполнения откровенно недотягивает до уровня Хомера. Картины просто недостаточно совершенны для того, чтобы можно было приписать их Уинслоу Хомеру. Зато третья картина – нечто особенное.

– Мы говорим о картине без подписи? – тихо уточнила Джуа. После того как Сэди кивнула, Джуа продолжала: – Если ее написал Хомер, разве она не должна быть подписана? Разве не так поступают все художники?

– Не обязательно. Есть много причин, по которым художник не подписывает свои работы. Иногда он считает, что картина недостаточно хороша. Иногда она остается незавершенной. Иногда художник просто забывает... – Сэди переводила взгляд с Кили на Джуа и обратно. – Вам очень хочется, чтобы картина принадлежала кисти Хомера?

Кили сдвинула темные брови; на ее лбу проступила морщинка, в глубоко посаженных карих глазах отразилось замешательство.

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Эта картина принадлежала к числу любимых произведений вашей тетушки? Это ваша любимая картина? Вы будете сильно разочарованы, если окажется, что ее написал не Хомер?

Кили быстро покосилась на Джуа. Та просто пожала плечами. На вопрос ответила Кили:

– Неподписанная картина всегда висела в малой гостиной, которая примыкала к бывшей спальне Изабель. Там она держала все свои самые любимые картины, поэтому я знаю, что она ей нравилась. Очевидно, у нее были сомнения в связи с двумя другими картинами, потому что их я нашла у нее в шкафу в спальне, когда мы с Задавакой проводили там инвентаризацию... – Кили смерила Джуа пламенным взглядом: – Кстати, за это с тебя причитается!

– Кого ты называешь Задавакой? – озадаченно спросила Джуа.

– Уилфреда Сеймура. – Кили произнесла имя так, словно бедняга Уилфред был злым волшебником, чье имя нельзя называть.

– Ты о Сорвиголове? – уточнил Каррик. Кили кивнула, и он негромко усмехнулся: – Он вовсе не заносчивый...

Сэди сразу же узнала упрямое выражение на лице Кили. Возможно, потому, что несколько раз видела такое же, когда смотрелась в зеркало.

– Очевидно, я увидела его с совершенно другой стороны!

– Кили, он по-настоящему крут, – не сдавался Каррик.

Сэди невольно подумала: еще очко в пользу Каррика за то, что так защищает друга.

– По этому вопросу нам придется согласиться или не согласиться, – парировала Кили.

Сэди посмотрела на Джуа и заметила, как та улыбается. Да, она понимала, о чем думает Джуа, потому что и Сэди иногда посещали такие мысли... иногда женщина слишком бурно возражает.

– Давайте поговорим о чем-нибудь, кроме раздражающих юристов. – Кили отмахнулась от темы Сорвиголовой Сеймура.

Сэди ей сочувствовала. Крайне неприятно, если тебя влечет к мужчине, к которому совсем не хочется – или ты не можешь себе позволить – испытывать влечения.

Джуа вернула всех к насущным задачам.

– Давайте внесем ясность. Мы обсуждаем картину, на которой изображена женщина афроамериканского происхождения с двумя детьми в поле, верно?

Сэди кивнула:

– Позвольте объяснить...

Она придвинула к себе айпад и откинула крышку. Включив гаджет, дождалась, пока установится связь с большим экраном у Каррика за спиной. Когда на экране появилась картина, Каррик подсел к Сэди, чтобы его фигура не загромождала клиенткам вид. Он тут же прижался к ней коленом, и Сэди забыла, о чем собиралась сказать. Она понимала: все ждут, когда она заговорит и скажет, как потратила свое очень дорогое время – за которое они платят, – но нет...

Мозг отказывался функционировать. Полностью остановился. Из-за отсутствия притока крови.

Полное отключение.

Сэди вздрогнула, когда Каррик заговорил, заполняя неловкую паузу:

– Итак, Сэди сейчас расскажет, что она обнаружила, и у вас будет более ясное представление о том, с чем мы имеем дело.

Сэди мысленно влепила себе пощечину, велела действовать по плану и делать дело. Но чтобы минимизировать возможность отвлечься, она встала и отошла от Мерфи и его завораживающих прикосновений.

* * *

– Значит, вы свяжетесь со мной, как только у вас будут новости?

– Я заключила контракт с «Мерфи интернэшнл», поэтому отчитываюсь перед ними, но, если Каррик не против того, чтобы я связалась с вами напрямую, с радостью так и поступлю.

– Кили, не вижу никаких препятствий к тому, чтобы Сэди так поступила.

Низкий голос Каррика Мерфи доносился до Джуа, которая стояла в коридоре за дверью конференц-зала. Мысленно она призвала Кили поторопиться. Джуа любила свою лучшую подругу и сводную сестру, но, черт побери, когда же она перестанет болтать? Джуа приехала на встречу прямо из аэропорта; ей предстояло приноровиться к разнице часовых поясов, она устала и проголодалась. Кили обещала как можно скорее завезти ее в Маунтон-Хаус.

Джуа с трудом подавляла зевоту. Сэди ей сразу понравилась; она высоко оценила ее профессиональный подход: Сэди, так сказать, стреляла с бедра. Она не собиралась ни давать им ложных обещаний, ни разжигать в них ненужные надежды.

Джуа, которая всегда считала себя реалисткой с широко открытыми глазами, это нравилось.

Она покачивалась с пятки на носок, чувствуя, а такое бывало часто, что ее жизнь проходит как во сне. Хотя после смерти Изабель прошло уже много месяцев, ей по-прежнему не верилось, что она стала наследницей огромного состояния.

Наследство включало исторический дом в бостонском районе Бэк-Бэй, громадный портфель ценных бумаг, многочисленные банковские счета и коллекцию произведений искусства – одну из лучших в мире.

Кили – наследница по праву; она кровная родственница Изабель. А у Джуа таких связей в семье Маунтон-Мэтьюз не было. Она познакомилась с Изабель лишь в четырнадцать лет, когда благотворительница из Бостона посетила убежище, ставшее временным пристанищем для Джуа, которая убежала из последней приемной семьи.

На следующий день Джуа очутилась в Маунтон-Хаус вместе с эксцентричной Изабель и ее внучатой племянницей Кили. Впервые с десяти лет, когда попала в приемную семью, Джуа почувствовала себя любимой. Нет, лучше, чем любимой, – она почувствовала себя в безопасности.

И она всегда будет признательна Изабель за то, что та окружила ее теплом. Как же она скучала по старушке! Горе угрожало сбить ее с ног.

– Вы уверены, что Изабель ничего не говорила вам о том, где она приобрела картины? – спросила Сэди у Кили.

Что ж, Джуа придется подождать еще немного, пока можно будет лечь в постель.

– Я ничего такого не помню, – вслух размышляла Кили. – Может быть, она их не покупала. Может, ей их подарили. Из пользовалась исключительной популярностью, и у нее было много... друзей.

– А, поняла. Не знаете, с кем она встречалась, когда получила эти картины?

– Это было задолго до меня, – ответила Кили. – В дневниках говорится о гостях... – услышав такой эвфемизм, Джуа закатила глаза, – но имен она не называет.

– Жаль, – сказала Сэди. – Можно было бы проследить историю владения через имя... Речь ведь идет о сливок бостонского общества?

– Да, – радостно подтвердила Кили. – Ее все обожали по обе стороны Атлантики. В Лондоне и Париже она пользовалась не меньшей популярностью, чем в Бостоне.

Кили с такой легкостью говорила о людях из среды Изабель – из высшего бостонского общества. В этом отношении Кили довольно неплохо шла по стопам своей двоюродной бабки. Джуа не испытывала интереса к тому, чтобы проводить время в изысканном обществе. Никогда еще она не чувствовала себя такой чужой, девочкой из неподходящей семьи, чем когда она сталкивалась с людьми, у которых больше денег, чем Бога в душе, и родословная, которую можно проследить до «Мэйфлауэра». Нет уж, спасибо, она лучше останется в тени. Там ей гораздо уютнее.

Это не ее мир, и общество не ее, а вот для Кили такое общество вполне подходило. Хотя Джуа пришлось признать, что Сэди Слейд казалась довольно милой и, что важнее, вполне приземленной. И если Джуа не ошибалась, а она редко ошибалась, между Сэди и Карриком Мерфи что-то происходит. Сэди повезло, ведь Каррик – просто чудо.

Джуа неторопливо шагала по коридору, разглядывая коллекцию старых фотографий на стене напротив; она улыбнулась при виде снимка, на котором три мальчика-подростка окружили девочку гораздо младше их. Она достаточно хорошо разбиралась в бостонском обществе, чтобы узнать братьев Мерфи и их сестру Танну. Они выглядели счастливыми; и, хотя Джуа жалела о том, что их родители умерли, она решила, что детям Мерфи повезло: они росли в дружной и сплоченной семье. У некоторых, в том числе у нее, такого опыта не было.

Джуа услышала мужские шаги и, обернувшись, заметила высокого мужчину с растрепанными волосами, трехдневной щетиной и усталыми глазами. Он шел по коридору. Сердце екнуло в груди Джуа, когда она узнала его: она видела его на экране телефона. Незадолго до того, как приехать сюда, Кили звонила ему по видеосвязи.

Живое лицо, которое до того она видела на экране телефона сестры, оказалось сказочно красивым.

Джуа подняла глаза, чтобы осмотреть лицо падшего ангела, и сразу же подметила его сходство с Карриком: оно проявлялось в цвете глаз, прямом носе и упрямом подбородке. Каррик в дизайнерском костюме и идеально повязанном галстуке выглядел более сдержанным, более застегнутым на все пуговицы, чем другой Мерфи с броскими часами и кожаными браслетами на сильном запястье.

С такими нужно быть осторожнее, предупредила себя Джуа, заметив, как бабочки в животе затрепыхали крылышками от волнения. И восхищения. Когда у нее в последний раз была такая интуитивная, сексуальная реакция на мужчину? В прошлом году? Два года назад? Скорее всего, никогда.

Джуа стояла у стены, гадая, оторвет ли он глаза от своего айпада, чтобы заметить ее, или просто пройдет мимо.

Ронан Мерфи, погруженный в собственный мир, прошел мимо нее.

Она смотрела ему вслед; широкая спина и крепкие ягодицы удалялись из вида. Ронан собирался повернуть за угол, когда из конференц-зала вылетела Кили и, подбоченившись, поспешила по коридору ему навстречу.

– Доброе утро, Килс! – Голос у Ронана оказался таким же низким, как у Каррика, но с хрипотцой, от которой мурашки побежали у Джуа по коже. – Как продвигается установление подлинности?

Кили надула губы:

– Медленно. – Не оборачиваясь, она схватила Джуа за рукав и дернула ее вперед. – Очень хочу, чтобы вы познакомились. Ро, это Джуа.

Джуа ожидала, что Ронан вскользь поздоровается с ней и тут же снова переключит внимание на Кили, но их взгляды встретились. Да, глаза у него были зелеными, но так можно было сказать только в общем. Зеленые с золотыми, медными и потрясающе синими огоньками... Они содержали все цвета фантастической раковины морского ушка.

Она могла бы смотреть в эти глаза много часов, дней и месяцев и читать их тайны. У этого парня тайн явно много.

Как и у нее.

Ронан улыбнулся; поднялись уголки красивых губ. Но заученная улыбка не отражалась в глазах.

– Привет, Джуа. Кили говорила, что ты возвращаешься домой. Рада вернуться в Бостон?

– Да, спасибо.

Кили вмешалась в ее мысли и их взгляды.

– Ронан, я так рада, что поймала тебя! Ты еще не нашел няню для своих мальчиков?

– Нет.

Кили широко улыбнулась:

– Отлично! Так будет гораздо легче.

– Что легче?

Джуа тоже не понимала, о чем говорит Кили.

– Ро, Джуа много лет работает помощницей по хозяйству, она и будет твоей новой няней. Ей нужно что-нибудь делать, пока она думает, чем дальше заняться в жизни, так почему бы ей, пока она раздумывает, не присмотреть за твоими монстриками?

Какого черта?!

Сэди наблюдала за тем, как Кили вылетела из комнаты; энергия миниатюрной блондинки внушала восхищение. Она складывала свои бумаги в папку, понимая, что Каррик пристально смотрит на нее с другой стороны зала. Он стоял у суперсовременной кофемашины и, не сводя с Сэди взгляда, ждал, пока наполнится его чашка.

– Сэди, тебе сделать кофе?

– Нет, спасибо.

Каррик взял чашку, подошел к открытой двери, захлопнул ее ногой; в коридоре разговаривали, но он их отрезал. Обеспечил им уединение. Ей не хотелось уединяться и оставаться наедине с Карриком, потому что Сэди не могла гарантировать, что в конце разговора она по-прежнему будет одета.

Отсутствие самообладания рядом с этим мужчиной просто нелепо. Да, он горячий, но горячим можно назвать и вулкан – и оба одинаково опасны. Почему, ну почему ее совсем не тянет к спокойным, милым, относительно симпатичным парням, которые не излучают харизму и сексуальную привлекательность? Почему ее всегда влечет к альфа-самцам, которым хватает и красоты, и уверенности?

И изрядной доли безумия.

Каррик поставил чашку на стол и сам присел на край рядом с Сэди.

- Ты подумала? Сегодня я могу угостить тебя ужином?

Его внезапный вопрос заставил ее вздрогнуть. Она резко вскинула голову и прищурилась. Что за игру он ведет?

Ужин подразумевает, что он хочет проводить с ней время не только в спальне, а этого просто не может быть. Разговаривать, смеяться, знакомиться поближе? Об этом не могло быть и речи.

- Каррик, по-моему, будет лучше, если мы сохраним лишь профессиональные отношения, - сказала Сэди, кладя руку на закрытый ноутбук. - Во-первых, мы уже переспали, так что тебе не нужно угощать меня ужином.

- Что ты имеешь в виду? - Каррик встал. Когда их взгляды встретились, она прочла в его глазах раздражение.

Сэди ответила ему воинственным взглядом.

- Ты хочешь снова переспать со мной - ты сам так сказал. Не нужно заводить себя с ужинами.

Каррик помрачнел; глаза словно подернулись льдом.

- Ух ты! В чем твоя проблема?

Сэди ткнула его пальцем в грудь:

- В тебе. И в таких мужчинах, как ты. Ты ведешь себя нечестно, а я это терпеть не могу.

Каррик выпрямился и сунул руки в карманы брюк. Сэди показалось, что он стал чуть выше и шире, чем несколько секунд назад. Теперь он злился по-настоящему.

Но рядом с Карриком она не чувствовала ни тревоги, ни страха. Ни капельки.

Хм...

Но на всякий случай, вдруг она ошибалась насчет Каррика, если ее радар сбился, Сэди заставляла себя крепиться. Мужчины вроде Денниса и Каррика плохо мирятся с отказом.

В голову отчего-то пришла мысль: если она расслабится, Каррик Мерфи разрежет ее на более мелкие кусочки, чем удавалось Деннису. Но она ничего подобного не допустит; она категорически отказывается.

Когда Каррик положил руки ей на плечи, Сэди словно оцепенела. Нет, не потому, что она его боялась, а потому, что ей очень хотелось зарыться носом в его шею, обвить руками его спину и так остаться.

Она – независимая, уверенная в себе женщина, но даже сильным женщинам иногда нужно к кому-то прислониться.

Она напоминала себе: Каррик Мерфи не из тех, к кому можно прислоняться.

– Сэди, кто тебя так обидел? – негромко спросил Каррик. Его слова звучали ласково. – Скажи, где его можно найти, я ему физиономию расквашу.

Сэди чуть не улыбнулась, представив, как Каррик избивает Денниса до полусмерти.

Но какой бы приятной ни была картинка, она сама отвечает за свои поступки. Она сама решила выйти замуж за льстивого, на первый взгляд очаровательного мужчину, чертовски харизматичного. Она и жила со своим выбором.

Она думала, что Деннис – ее рыцарь на белом коне, а он оказался мерзавцем и манипулятором. Он научил ее, что под самой красивой оберткой скрывается чернейшая душа.

И пусть Каррик кажется искушением во плоти, больше она такой ошибки не повторит. Сэди отодвинулась и взяла ноутбук, собираясь убрать его в сумку, но

Каррик накрыл ее руку своей и заставил повернуться к себе лицом.

Она подняла брови, выражение лица стало непроницаемым.

– Нет – ужину, Каррик. Нет – сексу. Мы коллеги, только и всего. Позавчерашней ночи не было.

– Но она была.

– Притворимся, что не было! – парировала Сэди, вырывая руку.

– Как бы мне ни хотелось волшебную палочку, которая очищает голову от неприятных воспоминаний, в жизни так не бывает. По-моему, более притягательной и интригующей женщины я не встречал. – Низкий голос Каррика заполнил все пространство между ними. – Я не сплю, вспоминая о той ночи... и о тебе.

Сэди почувствовала, как горит у нее лицо.

– Буду еще честнее... Я хочу тебя в своей постели, подо мной, чтобы наши губы не размыкались, когда я вхожу в тебя. Хочу слышать твои стоны, когда довожу тебя до оргазма, хочу, чтобы твои волосы щекотали мне живот, когда ты берешь в рот мой член...

Его описание вызвало прилив жара внизу ее живота; сердцебиение зашкаливало. Сэди гадала, сумеет ли он все понять по ее пульсу. Судя по давлению его пальцев и его довольной улыбке, он все понял.

– Ну да, может быть, я предложил угостить тебя ужином в надежде, что ужин приведет еще к одной ночи, но не думаю, что несколько часов разговоров в чем-то повредят. У нас много общего, и я не возражаю против того, чтобы получше с тобой познакомиться, прежде чем снова уложить тебя в постель.

– Зачем? – спросила Сэди. – Какой смысл?

На лбу у Каррика проступила морщина; он выпустил ее руку.

– Разве обязательно должен быть какой-то смысл?

– Ужин равносителен свиданию, а свидания подразумевают, что ты ищешь нечто большее, чем секс, – пояснила Сэди. – Хочу сразу заметить, что ни в каких отношениях я не заинтересована. У меня нет намерения жертвовать время и силы мужчине только для того, чтобы потом снова разочаровываться. Однажды я так поступила, но я не такая дура, чтобы повторить ошибку.

Каррик мрачно посмотрел на нее:

– Тебе в самом деле стоит сказать, кто так прокомпостирует тебе мозги.

Нет, этому не бывать. Она обсуждала свой брак со многими, в том числе с родственниками, и ей никто не поверил.

Каррик скрестил руки на груди; его мощные бицепсы проступили под рубашкой.

– Сэди, я просто предлагаю накормить тебя ужином, а потом заняться сексом. Я не предлагаю тебе выйти за меня замуж, не прошу стать матерью моих детей. По-моему, ты все принимаешь слишком близко к сердцу...

Она вполне понимала его чувства. Прикусив губу, думала, как сказать, что о его браке ей известно куда лучше, чем следует, что она знает, как он обращался с Тамлин. Но она ничего не могла произнести. Ситуация и без того сложная, ни к чему ему знать, что ее помощница – его бывшая свояченица.

Пора заканчивать разговор.

– Каррик, меня к тебе влечет. Я не стала бы спать с тобой, будь все иначе. Но мне хватает ума понять, что ты... – она помолчала, проглотив слово «опасный», готовое сорваться с ее губ, – сложный. Со сложными мужчинами я предпочитаю не связываться.

Она нахмурилась и, чувствуя себя уязвимой, решила перейти в наступление.

– Кажется, мы договорились, что больше не будем это обсуждать?

– Да, мы так говорили, но... – Каррик провел пальцами по волосам, – но я не могу не думать о том, как нам было хорошо вместе! И подозреваю, ты чувствуешь то же самое.

Да. Так и есть. Проклятие!

Сэди ущипнула себя за переносицу. Ей очень хотелось затопать ногами, лягнуть его в лодыжку – но только потому, что он прав. Им хорошо вместе. Но хороший секс не обязательно означает, что он хороший человек.

Пора заканчивать. Сейчас же.

Сэди пригвоздила его к месту взглядом, который говорил: «Я все сказала». Она знала, что должна закончить разговор, иначе скоро поддастся искушению и попросит взять ее прямо на этом прочном столе для переговоров.

И он не откажется...

«Слейд, веди себя разумно!»

– Связь на одну ночь – не то, во что я готова вкладываться, я не люблю краткосрочные интрижки. Как и долгие отношения – я уже говорила.

Таким образом, она останется вообще без секса. Что ж, жаль, но ничего не поделаешь.

Сэди расправила плечи и заставила себя произнести:

– Либо мы забудем о том, что случилось позавчера, либо я ухожу, и ищи себе другого оценщика. Больше я не желаю об этом разговаривать.

Ей нужно, необходимо защищаться, это единственный разумный способ действия.

Каррик прищурил зеленые глаза:

- Ты уверена?

Нет, но она ни за что в том не признается. У нее ушли все силы на то, чтобы быстро, нервно кивнуть ему в ответ. Каррик выдержал ее взгляд; его лицо снова стало непроницаемым.

- Что же, отлично. Я больше об этом не заговорю.

Вот и славно.

С этим... с ними... покончено, и она получила то, что просила. Так почему она чувствует себя такой разочарованной? Почему ей по-прежнему хочется, чтобы он прижал ее к своему сильному телу и накрыл ее губы своими? Почему она по-прежнему хочет его?

Очевидно, потому, что она по-прежнему - в том, что касается мужчин, - полная идиотка.

Сэди обхватила себя руками и смотрела, как он быстро выходит из комнаты. Его фигура излучала напряжение. Ей хотелось побежать за ним. Чтобы остановить себя, она ухватилась за стол и сдвинула колени.

У них была всего одна ночь великолепного секса, и совершенно бессмысленно думать, будто они способны значить друг для друга больше, чем горячее, сексуальное воспоминание.

«Все кончено, Слейд, все кончено!»

Покрутив головой, чтобы расслабить шею, Сэди закинула сумку на плечо.

Ей нужно сделать дело, а для того, чтобы все получилось, придется избегать босса. Хорошо, что на прошлой неделе она успела немного попрактиковаться в этом.

Каррик поставил гири на стойку и взял полотенце, чтобы обтереть потное лицо. Покосился на большие настенные часы. У него есть еще пятнадцать минут; необходимо увеличить кардио-нагрузку, чтобы сердце готово было вырваться из груди. Все, что угодно, лишь бы прогнать тупую боль, с которой он жил последнее время. Неужели прошел всего день после его разговора с Сэди и ее «спасибо, не надо»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/vud_dzhoss/vtoraya-polovinka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)